

Моск. новости. - 1992. - 12 июля. - С. 24.

«ИТОГИ» за отчетный период

Хотя Евгений Киселев не входит в первую пятерку самых популярных людей телевидения, московский рейтинг его «Итогов» на минувшей неделе превысил 40 процентов. То есть у передачи почти столько же зрителей, сколько у сериала «Богатые тоже плачут», — случай беспрецедентный для аналитической программы.

не помогут ему повысить рейтинг. В принципе же во всем мире средства массовой информации охотно используют в качестве экспертов и комментаторов отставных государственных деятелей. И в «Итогах» уже выступали Рыжков, Бессмертных, Лубенченко. Приглашение Горбачева не более чем продолжение этой линии.

— А когда вы приглашали Рыжкова, раздраженных звонков не было?

— Нет. Так только некоторые зрители брюзжали: мол, ничего не сделал, живет на шикарной даче...

— А в самом деле зачем вам был Рыжков?

— По-моему, появление даже отставных политиков такого ранга прибавляет рейтинг передаче.

— Но если для вас рейтинг имеет такое значение, почему бы вам вообще не упростить программу, не сделать ее более массовой?

— Наверное, это невозможно. Политика вообще вещь довольно сложная. А просто говорить о сложном у нас на ТВ умел только Бовин. Помните, сидел человек балзаковского внешности, огромный, с длинными волосами и пышными усами, большими пальцами выписывал в воздухе какие-то вензеля, и все всем становилось понятно. Вы знаете, он даже не пользовался телесуфлером.

— А вы без суфлера не можете?

— Я — нет.

— Говорят, к каждой передаче вы основательно готовитесь, прочитываете горы информации?

— Да, и жаль, что много еще не успеваю прочесть.

— Значит, ваши комментарии это своего рода рефераты?

— Совсем нет. Я все осмысливаю и все тексты пишу сам.

— А по какому принципу вы подбираете экспертов?

— Видите ли, у «Итогов» очень четкая концепция: емкий анализ тех политических событий, которые могут иметь значение для будущего страны и мира. Многие же очень умные люди и классные специалисты теряются перед камерой или говорят длинно — и мы не можем взять их выступления. Вообще на 25 выпусков мы всего раз пять имели тот подбор экспертов, который меня удовлетворял.

— А своей работой вы удовлетворены?

— Я бы не сказал. Я сам себе чаще не нравлюсь.

— А такое ощущение, что вам нравится быть в кадре, в эфире...

— Не в кадре. Я действительно ловлю кайф от работы в прямом эфире. Несколько раз мы по техническим причинам выходили в запись — и я просто измучился.

— А как вы для себя формулируете вашу роль? Конферансье? Комментатор? Главный эксперт?

— Я — автор и определяю главное: круг тем, задания корреспондентам, верстку передачи. И я уверен, что «Итоги» — по крайней мере в этой модели — уже не смогут существовать без меня.

— Многие ваши коллеги относятся к вам с подчеркнутой уважением, как к мэтру.

— Просто наша группа действительно много работает. Что касается лично меня, то я сдержанный человек и не панибратствую с теми, кто мне не очень интересен.

— Да, вы производите впечатление очень серьезного человека. Наверное, вы не только в институте были отличником, но и в школе. Я

в начале 1990 года — если помните, такой удивительный период, когда даже во «Времени» можно было не работать вразрез со своей совестью. А как только я почувствовал скрежет заворачивающихся гаек, то ушел — сначала в программу «Утро», потом на РТВ, вслед за моим другом Олегом Добродеевым. Это было всего полтора года назад, но я вспоминаю этот период как юность. Мы мечтали, играли в свою телестудию. Реальность оказалась прозаичнее, но я не хочу тревожить анализом эти воспоминания. В «Останкино» я ушел к Егору Яковлеву вслед за Добродеевым. Знаете, есть актеры, которые хотят играть у одних режиссеров и не хотят у других. Так что мои нынешние начальники — люди, которых я ува-

тоже с уважением относился к умным мальчикам, которые с детского сада знали имена всех зарубежных президентов и перед началом уроков в младших классах делали политинформацию.

— Ну, я не очень помню, что было в школе. Но политикой я стал интересоваться рано. В институте это был прежде всего интерес к политике международной.

— ИСАА — это звучало для вас престижно?

— Просто считалось, что в этот институт поступить легче, чем в другие, ориентированные на работу за границей. А я был сыном обычных родителей с точки зрения ЦК и первого управления КГБ.

— А вы хотели непременно работать за границей?

— Тогда — да. Теперь — не дай Бог. Жизнь-то она ведь теперь здесь, а там спокойное существование. Теперь даже в «Новостях» снизилось число зарубежных сюжетов, потому что они интересуют зрителей меньше, чем дела внутренние.

— По-моему, причина прежде всего в качестве материалов ваших зарубежных соборов. Чуть ли не один Владимир Кондратьев работает нормально — вот его и дают в каждом выпуске «Новостей». Кстати, вы тоже из тех немногих, кто работает в еще новой для ИТА объективистской манере. Но что с вами случилось 21 июня, когда вы пошли на открытую пропаганду и очень недвусмысленно высказались по поводу правой оппозиции?

— Да, многие меня за это критиковали. Но я пошел на это сознательно и с болью. Называйте это пропагандой, если хотите. Но посмотрите, какую оголтелую пропагандистскую работу ведут «День», «Правда», «Советская Россия». Разве мы не должны что-то этому противопоставить? Я сам скорее спокойный консерватор. Но когда происходили эти беспорядки вокруг «Останкино», я вдруг увидел в люмпенизированной толпе, которую подняли правые, реальную преграду на пути к тому гражданскому обществу, где я смогу спокойно жить со своей либерально-центристской позицией. Вот поэтому меня и прорвало.

— А вообще вы конфликтный человек?

— Если бы о конфликтах с руководством, то у меня их не было. Просто так сложилась судьба. В свое время я не попал в обойму ведущих ТСН — я тогда работал во «Времени». Это

жаю. Что же с ними конфликтовать?

— А сейчас как вы относитесь к «Новостям» в 21 час? По-моему, они в дурном смысле академичны. Ночные новости поживее, как-то веселее по форме.

— А я не жду от «Новостей» никакого веселья. Я хочу получить сумму солидной информации. Да, «Новости» в 21 час академичны, но они респектабельны. А в других выпусках больше дилетантизма. Меня раздражает эта погоня за яркой формой, которая часто идет в ущерб содержанию. Я хочу, чтобы все было ясно и толково, пускай даже без всяких журналистских финтифлюшек.

— Кого же из ваших коллег вы особенно цените?

— Сергея Доренко.

— Евгений, вы выглядите просто-таки очень положительным человеком. Неужели у вас нет никаких недостатков?

— О, их у меня много, но зачем же я буду о них рассказывать. К тому же они перевешиваются достоинствами.

— А что вы считаете своим главным достоинством?

— О, у меня их масса, но о них я тоже не буду рассказывать — боюсь показаться нескромным.

— Все же некоторые ваши коллеги считают, что своим последним успехом вы обязаны привилегированному положению «Итогов». Это так?

— Может быть... А что в этом дурного? «Итоги» — это визитная карточка нашего агентства. Когда-то такой передачей была «До и после полуночи». Я помню, как сам старался, снимая сюжеты для Молчанова. Теперь люди для «Итогов» так же делают все, на что способны. Это интересно и почетно.

— Вот видите, каких «Итогов» вы добились к 36 годам. Ведь правда?

— У меня, конечно, было много потерянных лет. Но теперь и правда грех быть недовольным тем положением, которое я занимаю: в 36 лет — ведущий вечерней политической программы с высоким рейтингом. Раньше люди шли к этому всю жизнь. Ведущие аналогичных программ в США зарабатывают больше президентов — по несколько миллионов долларов в год: Питер Дженнингс, Томас Брокау, Дэн Разер...

Интервью взяла
Елена ЧЕКАЛОВА